

СУБСТАНТИВНАЯ МЕТАФОРА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ВЬЕТНАМСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

У статті подано зіставний аналіз зооморфізмів та фітонімів у сучасній російській мові на тлі в'єтнамської та китайської мов. Досліджені національно-культурні особливості семантики різномовних одиниць. Виявлено причини їх розбіжностей.

Ключові слова: зооморфізм, фітонім, семема, лексико-семантичний варіант.

Вопросами степени структурной и генетической близости языков, близкородственными и неродственными идиомами занимается сопоставительное языкознание. Вопрос о родстве и типологической близости русского и вьетнамского языков не вызывает сомнений – оно отсутствует. Вьетнамский же и китайский языки до сих пор окончательно не сопоставлены. Потому в лингвистике существуют разные их генетические и структурные классификации.

Сходство языков – результат языковых контактов. Оно характеризуется определённым количеством сходных структурных и материальных признаков, приобретённых в результате длительного и интенсивного контактного развития в пределах одного географического района.

Согласно данным сравнительно-исторического языкознания, вьетнамский принадлежит к северной (вьет-мыонгской) подгруппе вьетской группы мон-кхмерской ветви австроазиатской языковой семьи. С течением времени вьетнамский отдаляется от остальных мон-кхмерских языков, подвергаясь интенсивной китаизации. Вьетнам многократно завоёвывался Китаем, поскольку граничит с ним на севере. За несколько столетий совместного существования языки довольно сильно сблизились, в частности, до 60% лексики современного вьетнамского языка заимствовано из китайского. Но генетического родства, по

крайней мере близкого, между ними нет. Не случайно большая часть генетических классификаций относит их к разным языковым семьям: китайский – к китайско-тибетской, а вьетнамский – к австроазиатской.

Актуальность данного исследования обусловлена привлечением к сопоставительному семантическому изучению материала русского, вьетнамского и китайского языков, принадлежащих к различным языковым семьям – индоевропейской, австроазиатской и китайско-тибетской.

Цель состоит в выявлении и исследовании национально-специфического в использованиях субстантивной метафоры антропоцентрической направленности в неродственных языках. **Объект исследования:** зооморфизмы и фитоморфизмы русского, вьетнамского и китайского языков. **Предмет изучения** – их национально-специфическая деривация и экспрессивная окраска.

Материалы и результаты работы могут найти **практическое применение** в переводческой и лексикографической деятельности, а также в преподавании русского языка как иностранного и в сфере профессионального перевода.

С целью отражения культурных особенностей каждого народа мы рассмотрим семантическое сходство и различия русских, вьетнамских и китайских зооморфизмов. Мы изучили 83 названия животных, которые используются для характеристики человека, и нашли зооморфизмы-корреляты и зооморфизмы-дивергенты. Приведём несколько примеров.

В большей или меньшей степени в сознании русского, вьетнамца, китайца лексема **пава** имеет значение – «женщина с горделивой осанкой и плавной походкой».

Носители русского, вьетнамского, китайского языков словом **соловей** называют человека, обладающего красивым, преимущественно высоким голосом, человека, известного своим искусством пения, но также краснобая, говоруна.

Отметим, что таких слов, где наблюдается абсолютное совпадение значений в трёх языках, немного – всего 14% от общего количества зооморфизмов. На наш взгляд, значительное расхождение обуславливается разными культурами и основами формирования (в частности, географической удалённостью).

Дивергентных образований значительно больше. Отличия обнаруживаются как на уровне лексем, так и ЛСВ.

В русском языке слово **черепаша** обозначает медлительного человека. Вьетнамцы и китайцы указали, что зооморфизм «черепаша» может характеризовать не только медлительного человека, но и труса, который прячет голову в песок, как черепаша в панцирь, при любой опасности.

Буйвол – в русском используется редко, но, по свидетельству Словаря С. И. Ожегова, так называют грузного, толстого человека, т. е. характеризуют внешние признаки. Во вьетнамском и китайском данный зооморфизм характеризует способности и морально-нравственные принципы: 1. Об отсутствии у человека музыкального слуха; 2. О трудолюбивом, добром человеке. Аналогично и зооморфный ЛСВ лексемы **собака**: в русском – это внешний признак, манера поведения; во вьетнамском и китайском – нравственно-психологическая характеристика.

Во вьетнамской культуре и языке существует метафорическое употребление слова **стрекоза**, когда говорят о безответственном, небрежном человеке. Это значение основывается на свойстве насекомого (личинки стрекозы развиваются в водной среде, а имаго (взрослые) обитают на суше, освоив воздушную среду и став прекрасными летунами.

Взрослые взмывают над водой, чтобы дать жизнь личинкам. Через мгновенный процесс рождения вьетнамцы отражают безответственность, небрежность человека в каком-нибудь деле). В русском и китайском языках данная номинация ассоциируется с живым, подвижным ребенком, непоседой (обычно о девочке). Интересно отметить, что зооморфизм «стрекоза» в русском языке может употребляться с тем же значением, что и во вьетнамском, однако не в виде зоонимной метафоры: потенциальная сема «безответственность» развивается на основе известной басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей».

Подёнка – насекомое, живущее всего одни сутки. Вероятно, именно эта особенность мотылька стала причиной развития значения в китайском зооморфизме: «об энергичном человеке, живущем недолго». Вьетнамский зооморфизм основан на ином представлении об этих насекомых, а именно: бессмысленность существования и подчинение окружающим. Подёнки совершают свой скоротечный полёт-танец обычно большой стаей, создавая настоящий вихрь над водоёмом. Кроме того, во вьетнамском языке на особенности поведения насекомых развивается ещё одно значение – «человек безумный, совершающий безрассудные поступки».

Олень. Во вьетнамском языке обозначает «простодушный, наивный человек». В китайском языке – «пугливый человек» с отрицательной оценкой». У русских этот зооморфный образ отсутствует.

Номинацией **поросёнок** (свинёнок), с точки зрения носителя русского языка, можно характеризовать неопрятного или дрянного, неблагодарного ребёнка, подростка. Во вьетнамском языке «поросёнок», употреблённое по отношению к человеку, имеет переносное значение – «приятный, симпатичный, кругленький ребёнок, подросток». Один зооморфизм в двух языках имеет различную коннотативную окраску, т. е. в русском языке слово может иметь эмоциональную оценочность в очень широком диапазоне – от отрицательной, пренебрежительной до ироничной и шутливо-ласкательной, а во вьетнамском языке слово имеет стабильную позитивную коннотацию.

Русский зооморфизм **жаба** сформировался на основе мотивировочного признака «внешние физические данные», и он легко семантизируется, поскольку уродливый внешний вид животного – объективная характеристика в русской культуре. А вот переносное значение зоонима **жаба** во вьетнамском языке – «смелый и умный человек» – требует лингвистических разысканий. Как представляется, значение зооморфизма связано с фразеологизмом вьетнамского языка *gan sóc tía* – (букв. печень жабы) в значении «смелый и умный человек» и восходит к вьетнамской легенде «Жаба жаловалась на Бога»: однажды Бог послал на землю засуху. Жаба – предводительница всех животных – предъявила Богу иск. Умная жаба с помощью своего войска вызвала панику в раю, и Бог согласился послать дождь на землю. С тех пор жаба называется дядей Бога. Когда на земле засуха, жаба кричит три раза – и дождь проливается.

В ходе исследования были выявлены 3 зооморфные лексемы, семемы которых совпадают во вьетнамском и китайском языках, но отсутствуют в русском: **тигр, крокодил, ласточка**. В число русских зооморфизмов также не входят и частичные вьетнамско-китайские дивергенты **аист, подёнка, улитка, олень, краб**.

В анализируемых языках есть национально-специфические зооморфные метафоры, то есть те, которые не входят в число зооморфизмов двух из трёх изучаемых идиомов. В русском языке к числу безэквивалентных относятся зооморфизмы **гусь, битюг, сорока,**

ягнёнок, рыба, тетеря, тюлень, овца, жук; в китайском – журавль, морская чайка, хорёк, сверчок, богомол; во вьетнамском – лягушка, кузнечик, броненосец (панголин)

Анализ значений фитонимов в трёх языках позволил выделить а) семемы корреляты (2,5%); б) семемы – полные дивергенты (2,5%); в) безэквивалентные семемы (45%). Безэквивалентные фитонимы отражают национально-культурные особенности. В русском языке фитонимы характеризуют, в основном, внешний вид и интеллектуальные качества человека. Во вьетнамском и китайском языках – скорее поведение человека. К числу русских национальных фитонимов относятся **мухомор, репей, хрен, ягодка; китайских – пион, слива, эпифиллум, ландыш; вьетнамских – баньян, жасмин, имбирь, казуарина хвощевидная, картофель, лотос, шпинат, ряска.**

Сопоставительный анализ зооморфизмов и фитонимов в русском, вьетнамском и китайском языках может быть представлен в виде следующей таблицы:

Язык	зооморфизм				фитоморфизм			
	Совпадение		Несовпадение		Совпадение		Несовпадение	
	Слово	ЛСВ	Слово	ЛСВ	Слово	ЛСВ	Слово	ЛСВ
Вьетнамский и китайский	58%	54%	42%	46%	75%	66,7%	25%	33,3%
Вьетнамский и русский	34%	44%	66%	56%	22%	30%	78%	70%

Выводы. Зооморфные и фитоморфные метафоры в трёх языках: русском, вьетнамском и китайском – имеют как сходства, присутствие которых возможно благодаря общности человеческих наблюдений над характером и повадками животных, над внешним видом, цветом, биологическим описанием растений, так и различия, обусловленные национально-культурной спецификой. Именно специфические значения лексических единиц, раскрывающиеся в ходе сопоставительного анализа, несут в себе отпечаток культурного опыта каждого отдельно взятого народа.

Несмотря на то, что три исследуемых языка относятся к разным языковым семьям, процент совпадения вьетнамских и китайских субстантивных метафор антропоцентрической направленности выше, нежели во вьетнамском и русском, что мотивировано исторически: вьетнамский язык подвергся интенсивной китаизации.

Зооморфная лексика по признаку сходства/отличия в трёх сопоставляемых языках может быть противопоставлена фитонимам: процент сходства в трёх неродственных языках у зооморфизмов при попарном сопоставлении практически одинаков, в отличие от фитонимов, где прослеживается устойчивое сходство вьетнамских и китайских метафор в противовес русским (вьетнамский и китайский – 75% совпадений; русский и вьетнамский – всего 22%). Выявленный факт может быть мотивирован тем, что повадки животных и, соответственно, их образное переосмысление в языке в большей степени, чем растения, являются универсальными, так как проявление поведения животного не зависит от ареала распространения. Потому зооморфизмы вьетнамского языка незначительно отличаются и от китайского, и от русского, в отличие от фитонимов. Фитонимы формируются на основе

местного царства растений. Баньян, жасмин, имбирь, казуарина хвощевидная, лотос, эпифиллум – растения, распространённые в Юго-Восточной Азии, и, следовательно, эпидигматика их названий мотивирована территориальными и климатическими факторами на основе этнообразного восприятия.

Таким образом, сравнивая русские, вьетнамские и китайские зоонимные и фитонимные метафоры, можно выделить некоторые одинаковые модели сравнения, которые объясняются типологическим сходством образной логики человека, однако, выбор того или иного образа сравнения и конкретного растения или животного зависит от особенностей национальной культуры и климатических условий распространения вида.

Список использованной литературы

1. Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник ТГПУ. 2013. – № 10. – С. 136–140.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1983. – 816 с.
3. Словарь русского языка / ред. А. П. Евгеньева : в 4-х т. М. : Русский язык, 1985–1988.